

ОЛЬГА КАРПОВИЧ

**КАВКАЗСКАЯ
РУЛЕТКА**

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
К26

Карпович, О.
К26 Кавказская рулетка / О. Карпович. — М.: RUGRAM,
2024. — 178 с.

ISBN 978-5-521-91140-0

В душе каждого отечественного литератора живет мечта о прекрасном горном крае, где обитают благородные джигиты и страстные гордые девы... Русская писательница отправляется на Кавказ в поисках новых впечатлений, романтики и, что греха таить, блестящих карьерных возможностей. Однако не все так безоблачно и спокойно в этих излюбленных классиками местах. И тогда героине приходится задаться вопросами: а там ли она ищет свою музу? есть ли место женщине, иноверке, за стеной Кавказа? не стала ли она пешкой в чужой расчетливой и беспринципной игре?

BIC FA
BISAC FIC000000

© Ольга Карпович, текст, 2023
© RUGRAM, 2024
ISBN 978-5-521-91140-0
© Т8 Издательские технологии, 2024

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА В СУНЖЕГОРСKE

Солнце встает над древним городом Сунжегорском, окрашивая розовым белеющие на горизонте вершины гор, позлачивая недавно отстроенные суперсовременные здания в центре, настоящие дворцы из стекла и бетона, играя бликами на выложенных мозаикой фонтанах, веселыми зайчиками мелькая в окнах мчащихся по городу машин, теплыми пятнами ложась на своды великолепных мечетей и покрывая лица местных жителей легким загаром и горячим румянцем.

Солнце встает над древним городом Сунжегорском, когда я влачу стопы свои в салон красоты «Дерзкая» к моей знакомой мастерице на все руки Хаве. День мне предстоит длинный, наполненный встречами с самыми разными сильными мира сего, а точнее, небольшой его части, сосредоточенной в этом дивном городе, а потому душа (вкупе со здравым смыслом) требует придать своему внешнему облику невыразимое очарование, так ценящееся всякого рода воротилами.

В Сунжегорск я приехала десять дней назад, сбежав из суетной и показушной Москвы, крайне утомившей

меня своими интригами, тщеславными устремлениями и меркантильными притязаниями. В душе моей жила не чуждая, наверное, каждому русскому литератору мечта о прекрасном горном крае, где обитают благородные джигиты и страстные гордые девы, где помыслы людей чисты, как горные ручьи, а чувства яркие и незапятнанны, как южное солнце. Мне отчаянно хотелось чего-то сильного, ясного и честного, не испорченного пошлой столичной жизнью, не припорошенного привычным лицемерием и жаждой наживы.

Однако же помимо такого романтического порыва была у меня цель и более прозаичная. Несколько месяцев назад на одной околотекстурной тусовке со мной заговорил завлит Сунжегорского государственного театра имени Лермонтова Мурзыкаев. Пожалился на свое бедственное положение — на то, что театр, выстроенный на бюджетные деньги, стоит совершенно шикарный и пустой, так как драматургами его родная земля не блещет, а стало быть, и ставить им, мечтающим о современной, острой и бескомпромиссной драматургии, нечего. Ведь не Шекспиром же единым, в самом деле... Распинался он так минут двадцать, не меньше, и я, окончательно заскучав, наконец перебила его и спросила прямо, к чему, собственно, этот велеречивый страдалец мне все это рассказывает. А в ответ услышала:

— Уж не хотите ли вы, Анастасия Михайловна, писатель, сценарист, драматург и прочая, и прочая... оставить холодную и слякотную Москву, приехать к нам и написать... так сказать... небольшую пьеску, внести вклад в развитие современного кавказского искусства...

Идея, по уже упомянутым выше причинам, показалась мне заманчивой. И все же я прервала этот цветистый поток, попросив уточнить, во сколько конкретно государственный драматический театр города Сунжегорска готов оценить мой вклад в искусство. Услышав же сумму, надо сказать, довольно солидную, я, разумеется, не подала вида, что она меня впечатлила, поторговалась еще немного, туманно намекая на ужасную занятость, и наконец, увеличив размер гонорара примерно на треть, благосклонно согласилась прибыть в Сунжегорск к началу марта, когда в Москве еще будет вовсю царить опостылевшая зима, а в этом краю уже начнут цвести сады.

Вероятно, слухи о моем скором отъезде разнеслись быстро. Потому что вскоре после знаменательной встречи с Мурзыкаевым мне позвонила Елена, менеджер спецпроектов из одного крупного издания. Благодаря ей я довольно часто публиковала свои рассказы на злобу дня в популярных журналах, а иногда даже раздражалась статьями на острые, волнующие общественность темы. Я сразу же поняла, что Елена уже в курсе моего намечающегося вояжа и имеет ко мне на этот счет интересное предложение. И когда мы с Еленой встретились, чтоб обсудить возникшую у нее идею, она сразу же взяла быка за рога.

— Анастасия, — доверительно начала она, ухватив меня алыми наманикюрными ногтями за пуговицу на пиджаке. — Настенька, я слышала, вы скоро уезжаете в Сунжегорск? А не хотите ли поучаствовать в одном очень интересном спецпроекте? Появилась такая мысль — выпустить автобиографию мэра Сунжегорска. Конечно, в художественном, я бы даже сказала, несколько приукрашенном варианте, так, чтобы

произведение получилось увлекательным... В общем, на проект нам нужен настоящий профессионал своего дела, человек, который мог бы побеседовать с мэром, поработать с архивами и, скажем так, помочь ему в написании этой книги. А раз уж вы все равно едете в Сунжегорск и обладаете всеми необходимыми качествами...

— Точнее сказать, вам нужен человек, который написал бы этот байопик за него? — задухшевно подхватила я. — Скажите, Елена, а какой интерес, собственно, издательству выпускать такую книгу? Вы что же, всерьез полагаете, что она будет хорошо продаваться?

Елена на это мое предположение только хмыкнула, закатила глаза и не менее доверительно сообщила:

— Настя, мы ведь с вами не первый день знакомы, так что я вам — как на духу, как своей. Разумеется, это заказ сверху, за который дают очень и очень неплохие деньги.

— Так с этого же и надо было начинать! — весело подхватила я.

Итак, у меня наметилось аж две цели визита в край скалистых гор, черноглазых джигитов и ароматной баранины. Я неторопливо собрала вещи и к началу весны, как и было оговорено, отбыла в солнечный Сунжегорск. Здесь меня ждал номер в лучшей гостинице города, заказанный для меня руководством театра имени Лермонтова.

Отель произвел на меня, москвичку, размечтавшуюся о скромном обаянии этого далекого уголка моей многоликой родины, ошеломляющее впечатление. Это оказалось огромное, ультрасовременное здание, выстроенное к очередному дню города турецкими подрядчиками. Фасадом это сверкающее хромом

и стеклом здание выходило на огромную площадь, с портретами глав края, на которой то и дело устраивались какие-то митинги, парады и прочие многолюдные общественные мероприятия. На одном из этажей гостиницы располагался модный фитнес-клуб, куда ежедневно вальяжно шествовали местные красотки в массивных золотых украшениях поверх спортивных костюмов. А в просторных, поражавших кричащей роскошью залах первого этажа регулярно проходили какие-то высокопоставленные встречи, съезды и конференции. И мне не раз приходилось сталкиваться у ресепшн с процессиями, во главе которых выступала обычно, высоко вздернув подбородок, одна из сунжегорских шишек, а за ним тянулся длинный хвост вооруженной охраны.

Мои взаимоотношения с Сунжегорским театром складывались безоблачно, как и было обещано. Я начала набрасывать пьесу, фрагменты отдавала на утверждение завлиту и директору театра, как оказалось, тоже носившему фамилию Мурзыкаев, ибо уже знакомому мне Вадиму Муратовичу он приходился старшим братом. Оба Мурзыкаевых написанные мною отрывки встречали восторженно. Я даже познакомилась с режиссером, который должен был ставить мою будущую пьесу на сцене. Зелимхан Багиров, по прозвищу Акула, оказался типом на удивление колоритным. Впрочем, о нем позже, пока же стоит рассказать о том, как обстояли дела со второй целью моего визита.

Находясь в Москве, я, разумеется, и понятия не имела, кто в данный момент является мэром несказанно далекого от меня города Сунжегорска. Подписывая договор с издательством, взглянула на фамилию

человека, чью биографию мне предстояло написать, но она ни о чем мне не сказала. «Тамерлан Русланович Ахмедов» — значилось в документах. Я лихо подмахнула бумаги и, лишь явившись на первую встречу со своим будущим, так сказать, героем, вдруг обнаружила, что судьба моя в очередной раз решила проявить свое странное чувство юмора.

На второй день моего пребывания в Сунжегорске я вошла в ресторан, располагавшийся на тридцать втором этаже высотного здания в самом центре города. Огляделась по сторонам — и у меня дух захватило от открывавшегося из опоясывающих зал окон вида. Огни, огни, огни — золотые, серебряные, багровые, изумрудные. Лабиринт крошечных, переплетенных улиц, а за ним — горы. Высокие, величественные, вечные. Такие прекрасные, такие гордые в своем равнодушии. Что им до нас, суетящихся у их подножия мелких букашек? До наших мелких страстишек, горестей и надежд? Они стояли до нас и будут стоять после нас, и наша человеческая жизнь для них не более, чем одно мгновение.

Налюбовавшись видом и все еще находясь под впечатлением этой вековой красоты, я перевела взгляд на столик, за которым должен был сидеть мой сегодняшний собеседник, и замерла на месте. Сдавленно охнула и прижала пальцы к губам. Только теперь я поняла, что мы с Тамерланом Руслановичем, мэром древнего города Сунжегорска, были знакомы.

Перед глазами моими внезапно вспыхнули тысячи бриллиантовых искр, испещривших водную гладь. Море... Спокойное, ласковое и такое синее, что больно глазам. Маленькая бухта, укрытая от посторонних

глаз каменными уступами и ветвями сосен. И мужчина — высокий, статный, с сильными руками и темной от загара мускулистой грудью в вырезе светлой футболки. Мужчина, который, улыбаясь, перевешивается ко мне со скалистого уступа и протягивает легкий голубой шарф.

— Это не ваш ветром унесло? Держите, за ветку сосны зацепился.

Он тогда представился мне Тимофеем. И, назвавшись, казалось, заглянул прямо в душу своими светлыми с изумрудными искрами глазами.

Я прилетела на этот небольшой архипелаг в Средиземном море только на неделю, сумела выкроить небольшой отпуск из своего безумного графика. И, не будучи любительницей пафосных пляжей и шумных туристических развлечений, намеревалась всю эту неделю наслаждаться солнцем, морем и тишиной. Потому и выбирала для купания самые отдаленные, укромные бухточки.

Тимофей ворвался в мою отпускную жизнь неожиданно, незапланированно. Смутил меня, выбил из колеи, перевернул все мои планы с ног на голову. Наверное, и я нарушила его намерения, спутала карты, потому что, прилетев на острова на день рождения к другу и поселившись в его вилле у моря, он вскоре после знакомства со мной напроочь о нем забыл и перебрался ко мне в отель.

Бывают такие встречи — не то, чтобы особенно значимые по существу. Если попробовать рассказать о них постороннему, он наверняка и не поймет даже, из-за чего весь сыр-бор. Однако же они затрагивают в душе что-то такое глубинное, болезненное и настоя-

щее, после чего вся окружающая действительность начинает казаться пошлостью и чушью, а бывшие твои встречи, всплывая в воспоминаниях, оставляют после себя чувство гадливости.

Что-то подобное и произошло тогда между нами. Перебросившись парой фраз из-за этого моего дурацкого перебежчика-шарфа, мы разговорились. С Тимофеем оказалось удивительно легко. Именно это ощущение было первым, захватившим меня с головой. Казалось, я встретила давнего друга, хорошо мне знакомого и близкого человека, общение с которым лилось само собой, не прерываясь ни на неловкости, ни на натянутое молчание.

Из бухты мы выбрались вместе и отправились бродить по острову. Тимофей поразил меня отличным знанием истории. Он что-то рассказывал мне о Средиземноморье, о буйствовавших тут пиратах, баснословных кладах и похищенных красавицах. Иногда даже изображал что-то в лицах, так, что я смеялась, запрокинув голову. Солнце лукаво подмигивало нам с небес, налетавший ветер рвал с моих плеч пресловутый голубой шарф. Кажется, никогда еще в моей жизни не было такого счастливого, такого легкого, светлого, искрящегося, как шампанское, дня.

Тимофей мало говорил о себе. Скупно бросил, что находится на военной службе. Это я, собственно, и так предполагала — у него была выправка военного человека. Еще я поняла — по чертам его лица, по легкому, но уловимому акценту, что он был человеком южных кровей и жил, видимо, в каком-то кавказском регионе России. О подробностях я не спрашивала, все это — наше прошлое, работа, связи, друзья и знакомые — осталось где-то там, в другом мире. Здесь же были